

Рукой в черной перчатке он брезгливо перебирает платя на бесконечно длинной вешалке, берет из огромной кучи ботинки, сандалии, сапожки, а потом, не оглядываясь, бросает за спину! «Это, это и вот... это». За ним теньми скользят две женские фигуры, затаенные в черную эсэсовскую униформу, в скрипучие португези. Беспристрастно, с какой-то скупой на движения четкостью хорошо выдрессированных собак эти две отбирают вещи, на которые указал перст начальника концлагеря. Туфельки, платяница, кофточки... перед отправкой в газовую камеру детей заставили раздеться. Жуткая, всплывшая из черноты средневековой инквизиции процессия надвигается на меня, и я инстинктивно отступаю. «Осторожно», — раздастся за спиной приглушенный шепот. И в ту же минуту, возвращая всех нас в мир реальный, режиссер громко произносит: «Стоп», оператор снимает камеру с натруженного плеча, гаснут софиты, а народный артист РСФСР Олег Табаков снимает фуражку с высокой тульей и стирает платком бисеринки пота на лбу.

В павильонах пражской киностудии «Баррандов» — съемки. Фильм по сценарию Владимира Кернера называется «Кукушка в темном лесу». О работе над картиной, которая выйдет на экраны в мае нынешнего года, рассказываю чехословацкого режиссера Антонина Москалика и народного артиста РСФСР Олега Табакова. Наш актер играет в фильме роль штурмбанфюрера СС Отто фон Кукушка.

Сюжет картины прост: эсэсовец берет из приюта на воспитание чешскую девочку, чтобы превратить ребенка в себе подобное существо. Гардероб Эмилии, — так в фильме зовут девочку, — начальник концлагеря составлял из детских вещей, оставшихся после казни.

В мировом кино, прежде всего, конечно, в кинематографе социалистических стран, найдется немало проникновенных фильмов о детях войны, а точнее, о войне фашистов против детей. Мне вспоминаются два советских произведения — «Судьба человека» С. Бондарчука и «Подранки» Н. Губенко. В обоих чертах и ваша картина повествует о том же. Хотелось бы, однако, услышать более подробный рассказ о вашем творческом замысле.

Антонин Москалик: Наш фильм несет в себе глубинную, весьма актуальную сегодня идею: несмотря на зверства, жестокость, методичное истребление в людях всего человеческого, несмотря на изверские попытки уничтожить целые народы, фашизм потерпел поражение именно от

человечности, нестигаемой веры, высочайшей духовности. Это бесценное достояние пронес с собой по дорогам войны от Москвы до Берлина и Праги советский солдат.

Олег Табаков: Мы замыслили показать, как готовилось и осуществлялось воздействие нелюдей на людей.

Где зародился и какими силами вскармливался страшный и жестокий обман, имя которому фашизм? Где кончился Гейне и начался Гитлер? В каком воспаленном мозгу делалась и пестовалась та идея вседозволенности, с которой «они» вышагивали по жизни, убивая близких своих, становились им на грудь и думали, что таким вот образом вознесли себя над человечеством? Эти вопросы я нашел в сценарии Владимира Кернера и с помощью Антонина Москалика постараюсь на них ответить в фильме.

— Война в вашей судьбе — далекая история или память очевидца?

Антонин Москалик: «Кукушка в темном лесу» — не вымысел. В основу сценария лег подлинный факт. Нацисты разработали план «немечивания» чешских детей. Он был составной частью глобальной стратегии: для того, чтобы стереть с лица земли народ, фашисты, помимо массовых расправ, педантично рубили корни национального самосознания и гордости, уничтожали культуру, традиции. Безвольные рабы, целые поколения послушных рабов для «тысячелетнего рейха» — такое нам готовили будущее. Забыть об этом мы не имеем права. Сегодняшнее поколение никогда не простило бы подобного легкомыслия и беспечности. На Западе оправдывают гитлеровских преступников, восхваляют нацистских палачей, подсовывают молодежи идеи, отравленные трупным ядом фашизма.

Олег Табаков: Я бы хотел взглянуть на эту проблему и с другой точки зрения. Мы снимали в Освенциме. Иду из костюмерной, которая временно размещалась в музее бывшего концлагеря, к одному из барак. И вдруг от группы туристов отделяется фигура и ускоряя шаг, а последние метры так просто бегом, приближается ко мне. «Почему вы здесь... как вы здесь... в этой форме?» Мальчишка лет шестнадцати, крепкого сложения, еще немного и готов меня ударить. «Вы не смеете здесь ходить в таком виде» — парень сжимает кулаки и наступает на меня. Смесь его плохого английского и смесь моего плохого английского позволила нам, однако, хоть как-то объясниться. Он понял, что перед ним актер, заулыбался смущенно. Но кулаки не разжал. Мальчишка со своими сверстника-

ми приехал из Голландии. И здесь они только что видели печи, в которых немцы сжигали людей. Это пример того, как сегодня воспринимается фашизм. Таких людей, как тот молодой голландец, немало, и это очень важно.

Антонин Москалик: Вот поэтому для меня «Кукушка в темном лесу» — не ретроспектива, а обращение к живущим, прежде всего к молодым людям. Война отняла у меня радость, счастье, ощущение доброты, ласки и неповторимости мира — все, что окружает человека в детстве. Война поселила в моем сердце страх. Насколько это противоестественное состояние — постоянно думать о том, что в любую минуту может умереть мама, отец, друзья, что можешь умереть и ты. В десять лет человек это чувствует, но не понимает. Должно пройти время, должны родиться твои дети, а может быть, дети твоих детей. Вот только тогда, пожалуй, осознаешь, чем жестока и страшна война.

Олег Табаков: Когда она началась, мне было пять лет. В тот день мы всей семьей были за городом. Нас застигла гроза, летняя, радостная, какая-то и очищающая. Пробегавший мимо незнакомый человек крикнул на ходу: «Что вы здесь делаете? Война началась». Потом проехал велосипедист, и то же самое: «Скорей идите домой. Война с немцами». Вот так оборвалось мое детство. До этого мир, по которому я шпал, поражал своими радостными открытиями. Его взорвали, расстреляли из автомата, закололи штыком 22 июня 1941 года. А с другой стороны, война для меня была эпохой братства людей в самой высокой степени. Это я сейчас понимаю: милосердие — неискупляемый дар русского народа, неброская, светлейшая черта национального характера. А тогда меня, пятилетнего мальчишку, спасала от голодной смерти наша семейно-коммуналка, вся до единого человека, потому что я был самым младшим. Это братство, стремление помочь, поделиться выплеснулись наружу в годы нечеловеческих испытаний. И победили, я думаю, еще и поэтому, еще и поэтому выстояли.

— Читателя будет интересно, почему на главную роль приглашен советский актер?

Антонин Москалик: Выбор не случаен. Я видел Олега Табакова во многих прекрасных фильмах. Он произвел на меня огромное впечатление не только как на зрителя, но и как на режиссера, профессионала. Еще шла работа над сценарием, а я уже знал, кто будет играть Отто фон Кукушка. Мы поставили перед собой цель — взглянуть на фа-

шизм изнутри. Ведь не рождаются фашистами, ими становятся. И внешняя оболочка у начальника концлагеря вполне человеческая. Всегда подтянут, строг к себе, дисциплинирован. Какие силы, окружение, мораль превратили его в существо, избравшее своим ремеслом убийство людей? На этот вопрос в фильме способен дать ответ лишь такой сильный актер, как Олег Табаков.

— Позвольте спросить вас как художника и как человека, какое место в вашем творчестве, в вашей жизни занимает 9 мая 1945 года?

Антонин Москалик: Вспоминая о Великой Победе, я думаю о возрожденной жизни. Первый выстрел защитника Брестской крепости по врагу положил начало священной войне против войны, против смерти, за жизнь. И первый тот выстрел прозвучал, не мог не прозвучать в жизни-радостном многоголосье сапота Победы.

Наш фильм — не о солдатах Великой Отечественной, но посвящен им, поправившим смерть, защитившим жизнь. И девочка — героиня картины — не стала послушной игрушкой в руках эсэсовца благодаря советскому воину. Мы хотели сказать нашим фильмом: советский народ, посылая в жертвенное пламя войны своих сынов и дочерей, спасал от гибели чешских, польских, немецких детей — спасал наше будущее. В конце картины девочка Эмилия встречается со своей тяжелобольной матерью, которая тоже прошла через страшные врата «фабрики смерти». В распахнутые окна квартиры врывается запах цветущей сирени вперемешку с пороховой гарью только что отшумевшего боя. Это 9 мая 1945 года. Финальная сцена глубоко символична: ребенок у смертного одра самого дорогого ему человека и радость весны Победы. Несмотря на тяжкие утраты, жизнь продолжается.

Олег Табаков: Хочу прикоснуться к этому времени, высказаться. Возраст диктует: поделись тревогой своей. Сыну уже двадцать четыре, дочери — восемнадцать. Я понял, что не могу, не имею права не сделать спектакль к нашей великой годовщине. Ставим его по роману Бориса Васильева «Завтра была война» на сцене студии, которой я руковожу. Работую над спектаклем с двумя коллегами: А. Леонтьевым — актером театра «Современник» и Владимиром Храповым — режиссером на Центральном телевидении. Премьера должна состояться в апреле. Посвящается нашей Победе.

В. ЯРОШЕВСКИЙ,
корр. ТАСС — специально
для «Советской культуры».
ПРАГА.